

Алтунин А.И.

**Ощущение
особой гармонии
Иисуса**

Москва 2020

Александр Иванович Алтуниин

Ощущение особой гармонии Иисуса

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70009342
SelfPub; 2023*

Аннотация

Описание этого момента идет с интеллектуальной и психологической, философской и духовной точки зрения. Особое значение оно имеет для человека, стремящегося сознательно и целенаправленно заниматься развитием своей личности, реализуя программу самовоспитания и самосовершенствования. Эта работа уже присутствует в книге «Творческая личность», планируется ее размещение в «Этико-психологическом словаре» (4-6-томник). Конечно, это явление является настолько многогранным и, в определенном смысле, изощренным, что ему можно было бы посвятить большую книгу (около 500 страниц). Но, в связи с тем, что автор планирует написание более 500 работ, посвященных классическим ценностям человеческой жизни, работа такого объема, по отдельным моментам, пока представляется, чисто теоретически, невозможной.

Александр Алтунин

Ощущение особой гармонии Иисуса

Смотришь на картину Семирадского «Христос у Марфы и Марии» и понимаешь то, что именно Мария смогла почувствовать совершенно особую гармонию Иисуса. Конечно, это касалось и чисто внешних параметров его внешности. Но, главным образом, это относилось к его внутренней сути. С интеллектуальной и психологической, духовной и эстетической точки зрения. Иисус был совершенен во всех этих ведущих четырех направлениях. И этим принципиально отличался от простых людей. Не говоря уже о том, что в каждом из этих направлений он имел такую высокую степень гармоничности, что даже самым талантливым и гениальным людям и не снилось.

Мария, в отличие от Марфы, смогла не столько понять, сколько почувствовать то, что перед ней находится совершенно особенное существо, имеющее человеческий облик. Но, тем не менее, настолько сильно отличающееся от всех обычных и даже выдающихся людей, что ей казалось банальным казусом назвать Иисуса просто человеком. Какое-то высшее, неземное очарование и обаяние шло от Иисуса, что Мария всеми фибрами своей души буквально наслаждалась

даже просто Его присутствием. А то блаженство, что она ощущала от слов Иисуса, не шло в сравнение ни с чем из прежней жизни Марии. Это одновременно и радовало Марию, как нечто совершенно особенное. И несколько пугало. Ибо, она, быть может, впервые в своей жизни не могла разложить по полочкам в своей голове то, что происходило рядом с ней и внутри нее. Ей просто-напросто не хватало и слов, и выражений, чтобы хотя бы схематически описать свои ощущения и впечатления, свои мысли и чувства. И не будем слишком строгими к ней. Ибо, у нее не было прежнего большого опыта по восприятию и анализу каких-либо явлений жизни столь высокой сложности, точнее сказать – высочайшей. Где-то очень глубинной своей сутью Мария ощущала то, что она, несмотря на свою вполне определенную разумность и некоторую жизненную опытность (она была, по большому счету, не глупее большинства из своего окружения), тем не менее, в принципе не способна даже примерно себе представить масштабность личности Иисуса, уровень концентрации Его мысли и чувства, степень Его совершенства, величину Его мудрости и одухотворенности.

Она, конечно, не знала подробной классификации всех человеческих достоинств и добродетелей (их все-таки более четырехсот), но, тем не менее, отчетливо понимала то, что все самые главные добродетели представлены в Иисусе в наибольшей степени. Выражаясь современным языком, могут быть оценены, по системе школьных оценок, пятью

баллами с плюсом. Хотя Мария где-то в глубине души чувствовала то, что мало того, что по всем параметрам нужно ставить пять баллов, так еще добавлять к пятерке, как минимум, два или три плюса. И это одновременно радовало ее душу и ошеломляло ее ум. Она чувствовала свою принципиальную неспособность адекватно оценить Иисуса, как какое-то целостное, сложное и многогранное явление. Ибо, все обычные человеческие мерки оказывались совершенно несостоятельными применительно к столь особенному явлению жизни. Это в какой-то степени (возможно, что самой небольшой, но, тем не менее) было похоже на то, как с помощью понятий одноплоскостной геометрии человек пытается объяснить трехмерный объект (ширина, глубина, высота). Не говоря уже о том, что этот объект существовал сразу в четырех измерениях. А, может быть, и в большем числе. И вот Мария где-то краешком своего разума понимала, то, что в данном случае, имеет место быть еще и четвертое измерение. А что это такое и как его воспринимать – этого она не знала. Как, собственно, не знала и то, у кого можно спросить об этом. Ибо, имела смутное ощущение, что это в принципе находится за пределами возможностей человеческого разума. По крайней мере, у большинства людей в обычном состоянии их сознания. Мария не имела особого опыта общения с пророками или святыми. И потому совершенно не имела представления даже об элементарных моментах психологии и философии их бытия. Не говоря уже о чем-либо

особенном, сложном, уникальном.

Надо отдать должное Марии в том, что она, даже ощущая необозримую громадность существа Иисуса, не впала в какую-то психологическую или умственную прострацию, личностный паралич. Возможно, что Сам Иисус помог ей в этом. В сохранении ясности и здравости рассудка, в сохранении и усилении способности и сознательного, и интуитивного стремления максимально полноценно воспринимать все явления жизни рядом с Иисусом. Мария не видела свечения вокруг головы Иисуса, но можно сказать, что почти физически чувствовала это уникальное и неповторимое излучение света и добра, внутреннего могущества, духовной просветленности.

Мария прекрасно понимала то, что этот удивительный праздник ума и души не может продолжаться бесконечно. И, что он скоро кончится. Хотя, без сомнения, ей хотелось каждой частичкой своего существа, чтобы это блаженство продолжалось как можно дольше. В идеале – бесконечно. Собственно, ей отчасти удалось выполнить это желание. Ибо, в ее памяти настолько четко и мощно отложились ее яркие и многогранные впечатления, что в последующем она могла периодически вспоминать чудесные минуты своей жизни рядом с Иисусом. Конечно, это потом уже было лишь некоторым подобием того, что происходило с ней во время непосредственного общения с Иисусом.

Ощущая уникальную неповторимость конкретного мо-

мента, Мария боялась, что что-нибудь сможет разрушить это замечательное общение. И ей было необыкновенно грустно от того, что ее сестра Марфа совершенно не чувствует той особой специфики личности Иисуса, что невольно открылась ей, ее простому человеческому сознанию. Суэта Марфы казалась ей чем-то не просто второстепенным, а чем-то очень далеким. Происходящим в какой-то другой плоскости бытия, в другой сфере, в другом пространственном и временном измерении.

Одновременно Мария понимала и то, что она не сможет быстро и основательно донести до сознания Марфы истинную специфику ситуации общения с Иисусом. Где-то в глубине души Мария даже подозревала то, что не исключено и то, что сделать ей это будет невозможно вообще когда-либо. И ей было необыкновенно жаль свою сестру Марфу. За ее приземленность и упрощенность, ограниченность и амбициозность, самоуверенность и некоторую самонадеянность. Ибо, Марфа была уверена в том, что она не только делает самое главное, что должна в данной ситуации делать. И в том, что она делает это самым наилучшим образом. По крайней мере, она искренне стремилась к этому. В меру своего разума и понимания, соответственно своему уровню гармонии личности и одухотворенности, мудрости и жизненной зрелости.

Мария понимала то, что они с сестрой, видимо, относятся к представителям разных личностных типов и менталитетов.

И в связи с этим, она не может существенным образом изменить существующее положение вещей не только в конкретный момент времени, но и вообще когда-либо. И вот это личное ощущение принципиальной несостоятельности в плане изменения Марфы достаточно мощно и конкретно огорчало Марию. Хотя, безусловно, она прекрасно понимала то, что в жизни существует достаточно много различных явлений, относительно которых человеческие возможности весьма и весьма символичны. Если не сказать, что ничтожны. Но любовь Марии к сестре не позволяла в полной мере рассеяться той горечи, что ощущала Мария от того, что четко видела принципиальную отстраненность Марфы от истинной сути общения с Иисусом. Ей было очень грустно от мысли, что она не может достучаться до ее сознания. И сказать ему: "проснись, взбодрись, раскрой шире глаза, открой уши, чтобы почувствовать ту особую радость, что присутствует рядом с Иисусом".

Грустно было и от того, что Марфа, видимо, никогда не сможет понять того, что она могла обрести от общения с Иисусом. Но, в силу вполне определенной особенности и закономерности типа своей личности, своего рода специфики, это потеряла. И потеряла, скорее всего, раз и навсегда. И мысль о большой вероятности такого развития событий особенно сильно угнетала Марию. Хотя, по совести говоря, Мария какими-то особенно дальними уголками своего ума продолжала верить в то, что Марфа не окончательно безнадежна

в этом плане. С одной стороны, Мария понимала то, что собственно, каждый человек, по большому счету, имеет право на иллюзии и заблуждения. Но слишком уж важной и ценной была данная сфера человеческих знаний, чтобы так безмерно спокойно воспринимать такие значительные иллюзии и заблуждения. Особенно громадную уверенность в их непоколебимой истинности. Но опять же, надо отдать должное Марии: она не стала банально суетиться, уговаривать Марфу, объяснять ей, что называется, на пальцах, суть явлений высочайшей степени сложности. Да, и собственно, как с помощью одной лишь арифметики объяснить специфику тригонометрической задачи. Нет, конечно, Мария знала и понимала не только арифметику. Но вот Марфа кроме арифметики ничего не знала и не понимала. И на тот момент, к сожалению, ни знать, ни понимать что-либо, принципиально иное и не хотела. А Марии так сильно хотелось поделиться с сестрой своей особой радостью ума и души. Это, во-первых. А, во-вторых, особой радостью духа, от которой все существо Марии, каждая клеточка ее тела, каждая частичка ее сознания вибрировали (схематично выражаясь современным языком) совершенно особенным образом. Внося какое-то удивительное ощущение безграничного счастья. Особенное не только по своим количественным параметрам, но, в первую очередь, по качественным.

Конечно, понимая ограниченность возможностей сознания Марфы в постижении сути особых духовных явлений

жизни, Мария не перестала от этого меньше любить Марфу. Но это, к счастью, не мешало достаточно объективно оценивать ее конкретные достоинства и добродетели, способности и таланты, сильные и слабые стороны ее личности. И в этом, кстати говоря, проявился один из элементов мудрости Марии, дающий ей возможность быть объективной относительно разных граней личности сестры.